

Когда летний жар растапливал город и сердце, один из нас подходил к другому и говорил словами истинного лесковского героя:

— Совсем жисти нет...

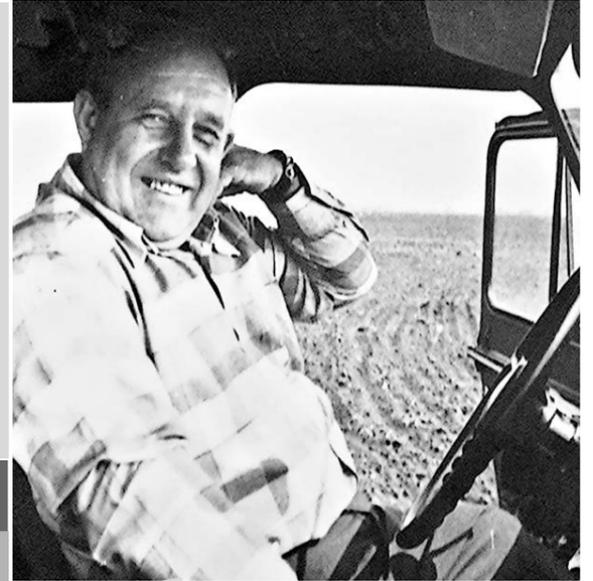
Да, вся жизнь уходила в луга и рощи, газетная страница ежедневно требовала портреты "правофланговых" полевой страды, передовиков ферм и летних пастбищ.

И другой из нас отвечал первому истинными словами героя купринского:

— Давай завтра закажем Большой круг.

Начальство с удовольствием выписывало командировки. Оно ведало, что такое наш Большой круг! Оно верило, что послезавтрашним утром в редакции будет целая дюжина(!) мобильных сельских сюжетов сразу из четырёх(!) районов: Урицкого, Шаблыкинского, Хотынецкого, Знаменского. А может, если азарт останется, ещё и из пригородного Орловского.

Виталий Захарович брал корреспондента и фотокамера прямо на дому, ранним-рано — и попробуй опоздай выйти из сонного своего подъезда! Минуты были рассчитаны, из Орла выскакивали в росистые семь утра, зная, что вернёмся лишь на росистом закате.

ЗАХАРЫЧ

Закодировать в блокноте стострочную текстовку для первополосного снимка не составляло труда: четверть часа, и готово. Главное и самое тягостное — быстро отыскать в каждом из обширно распластавшихся вдоль Большого круга колхозов хоть какого начальника.

Потому что без председателя, парторга, главного инженера, председельского, зоотехника или хотя бы бригадира соваться к селянам бесполезно: они по-партизански решительно отказываются говорить, а тем более фотографироваться. Да и опасно это самой газете: прославишь бравого встречного пастуха с его красивым стадом, а он вдруг окажется каким-нибудь злым дебоширом.

Так что сперва ловили "живца в галстук". Тяжелейшее дело, если вот так, в кавалерийском наскоке, явочным порядком. Первый колхоз — "все в поле". Второй — "все на кустовом совещании". Третий — "были где-то здесь, а вот где..."

Захарыч примолкал, яростно вырвался с бугра на трассу, гнал УАЗ дальше, зная, что назад возврата нет: дневной круг только начинался. Но "жисть" уже трижды стукнула по всем нам.

Не буду дальше. В конце концов начальство отлавливалось так, бурчало про "чего не предупредили", нехотя садилось в Захарычев садок и показывало дорогу к своим простым героям; одна-другая из тех мимолётных встреч обязательно перерастала в долгий разговор и последующий очерк — столь много интересных людей есть в каждом, буквально в каждом нашем селе.

Бывало и наоборот: как на вражью засаду, напарывался Захарыч на посево, убитые сорняки, или на некормленных, тонущих в жиже телят. Тогда бесшабашный кавалерийский наш рейд перетекал в затяжной бой: говоря словами Шолохова, "тихо плескалась рубка" (вот сколько классиков сегодня цитирую для Виталия Захаровича).

Порубленный председатель тихо зазывал в столовую, однако изголодавшийся Захарыч хватал тощих молодых корреспондентов

Такой когда-то была дорога до Жудре — нынешнего центра знаменитого "Орловского Полесья".

И ЕГО ПУТНИКИ

Командировочная бригада "Орловской правды" — водитель В. Пронин, заведующий сельхозотделом А. Бахтин и фотокорреспондент Б. Галкин проверяют на вкус парное колхозное молоко (семидесятые годы).

тов чуть не за шиворот, заталкивал в машину и увозил прочь.

— Если купились бы на его кусок, ломаный грош цена вашей критике была бы, — ругал, суня каждому громадный бутербродище из своего легендарного разносолного "тормозка".

Да, возвращались через Знаменское, в сумерках, с так и не вынутыми из кузова пустыми грибными кузовками или пустыми яблочными мешками — почему-то всегда не хватало лишь одного часика, чтобы в конце поездки заглянуть в придорожный лесок или заброшенный сад...

На краю города за знаком ограничения скорости "40 км" постовые ГАИ вдруг останавливали Виталия Захаровича и вежливо задавали весьма странный вопрос:

— Товарищ водитель, когда вы нарушите правила?

— Это как понимать, товарищ лейтенант милиции? — столь же учтиво уточнял наш водитель.

— Да мы уж год, как вас приметили. Всё время 39,5 на радаре. Большое мастерство надо иметь, чтобы всегда всего в миллиметре от штрафа держаться...

— Моё мастерство началось в сорок третьем, с полуторки, — ответил Виталий Захарович Пронин.

Постовые ещё раз козырнули.

Осенью сорок третьего юному орловцу исполнилось шестнадцать и он поступил учиться на шофёра — автошкола тогда стояла напротив нынешнего кинотеатра "Родина", хиленькое здание ещё цело. А в июне сорок пятого Пронина забрали в пятимиллионную Советскую армию, самую сильную армию всех земных времён.

— Отслужил семь лет. Сначала наш 326-й отдельный автобатальон базировался в Брест-Литовске, через который возвращалось награбленное немцами добро. Потом нас перебросили в закрытый Челябинск-40, где водородная бомба делалась. Потом на Колыму, на золоторазработки. Везде "студебеккер" водил, сильная машина.

Когда в пятьдесят втором ехал в Орёл, выкинул через вагонное окно все взятые было в гостинице банки с чёрной икрой: настолько надоела, вида её не переносил, мечтал о родной картошке.

В Орле работал шофёром в управлении водного хозяйства, в институте зернобобовых (он тогда звался станцией по конопле). И с 1965-го по 1993 год — в "Орловской правде". Срок!

— Про правила спрашивают... Да во все пятьдесят лет у меня не случилось ни единой аварии!

Оттого с ним и было уютно. В пургу ли, в дождь — никогда не боялись, что у Захарыча в машине что-то там забарахлит или заглохнет — механизмы он держал в идеальной исправности.

Насчёт скорости — особый разговор. У Виталия Захаровича при любой самой прекрасной погоде на трассе была своя, "фирменная", скорость: шестьдесят километров в час и ни метром быстрее.

Новичков путников это даже бесило. У него ответ всегда был один, простой и убедительный. Сейчас расскажу.

Порой целой кавалькадой орловцы выезжали на межрайон-

ный семинар. Знаете, что такое семинар: там всех окрестных спецов и чинов обычно пытаются сделать чуть-чуть умнее. Значит, никто из них не имел права увильнуть или опоздать к назначенному для освежения ума месту.

Мчимся как-то и мы осветить-освежить это важное дело. Держит Пронин свои шестьдесят, а нас то и дело глянецевые автосеминаристов обгоняют — шмыг, шмыг!

— Захарыч, поддай; глянь, они под восемьдесят мчат. Хочешь, чтоб мы опоздали?

— Ты курящий? — не поведа бровью, спрашивает наш водитель.

— Нет.

— Ну и не переживай. Они всего минут на десять раньше нас и приедут. Не успеют у крыльца перекурить, как ты со своим блокнотом на первой парте впереди них сидеть будешь!

Свидетельствую: так всегда и получалось.

Долгие годы работы давно убедили Пронина: дурная автогонка никакого выигрыша не даёт, только риск удваивает.

Привычка к внимательной размеренной езде пришла ещё во времена тотального бездорожья.

— Какой тебе тогда мог быть Большой круг? — бормотал, уверенно выбираясь у Нарышкино на широкую утреннюю дорогу. — Вот тут прямо асфальт и обрывался. Дальше — только с трактором. Командировки тогда обязательно с ночёвкой были, а то и с двумя. Всё времечко на колдобины уходило да на рытьё колёс из грязи.

Конечно, и в наши восьмидесятые хватало дорожных пучин. Пока национальный парк не учредили, пока вокруг него удобных асфальтных лент не сделали, долгие хотынецкие просёлки — полюс нашего круга — становились самым знобким испытанием дня.

Не очень приятно в сухой ясный июньский час встать на узкой лесной колее перед двадцатиметровой лужицей, спящей тут, может, с апреля. Захарыч ни за что не соглашался ехать сквозь ту водяную яму.

— Лезьте, мерьте палками, — говорил. — В такое болото я и на "виллисе" без приказа не нырял.

Мерили долго, метр за метром; потом он самолично перепроверял.

Всё у него было рассудительно и надёжно, с тройной страховкой. Зато никогда ни в каких дорожных ловушках мы с Захарычем не бывали.

Мимо занесённых мартовским снегом по самую макушку тракторов — ездил; даже есть снимок из Покровского района, где мы сидим у такого бедолага-трактора на крыше, как на лавочке.

Через кромешный туман — пробивались; вскрывшуюся от оттепели февральскую речушку под Колпной — форсировали, тоже есть фото. Ни разу Захарыч не оплошал.

О журналистах он отзывался сугубо уважительно, чужих оплошностей не обсуждал. Но в глаза говорил прямо:

— Что ты два часа клички коров переписываешь? — беззлобно корил иного молодца. — Учись у своего старшего, у Алексея Бахтина: он в любой колхоз с заранее выписанными цифрами приезжает, лучше председателя их помнит, ничем его тот уже обдурить не может... А ты тут с кличками возишься. А напишешь три строки.

Также подивился на одного залётного фотографа, который после каждого долго выцеливаемого щелчка объектива шумно переводил дух.

— Что вздыхаешь, будто после бревна?

— Так не улыбаются же, вот момент и жду... — оправдывался парень, вытирая испарину.

— Чего его ждаты! — хохотал Захарыч. — Видел бы ты, как наш Борис Галкин фотографировал! Наставит свою линзу длинную на упирающуюся доярку и кричит грозно: "Ощеряйся!". Она со смеху сразу все зубы наружу... Вот такие красивые портреты выходили!

...Утром у меня на столе лежали дюжина не дюжина (такой рекорд, каюсь, был только раз), но штук восемь-девять добротнейших фотосюжетов Леонида Тучнина, отпечатанных им ещё на рассвете. Прибежали работники секретариата, счастливо рылись: — Опиши в первую очередь вот этих двух: передовую свинарку из-под Шаблыкино и молодого тракториста из-под Хотынца.

Я тут же делал возвышенные текстовки-зарисовки, а чтоб не мельтешишь фамилией, ставил алфавитные псевдонимы: А. Азов, Б. Букин... Одолевал Ж. Животова и в конце недели брался за оставленный на сладкое очерк, уже прочно, до последней строки, сидящий в голове.

Тут являлся дородный весёлый Захарыч, хитро прижмурял (он и сейчас так делает) один глаз:

— Лёнька вот говорит: "Жисти нет"... Давай с понедельника на круг?

— Так ещё ни Г. Глаголев, ни Д. Добров оттуда не прошли...

Захарыч улыбался совсем уж заговорщицки:

— А мы закажем круг ещё круглей: сквозь Новосиль на Корсаково с возвратом через Мценск...

Юрий ОНОПРИЕНКО.
Фото и фоторепродукции
Вячеслава МИТРОХИНА.